

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

КОЛЛИЗИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА: КРИЗИСНЫЙ РАЗРЫВ МОРАЛЬНОГО И ПРАВОВОГО

Л.Ю. Бронзино, В.Е. Гребнева

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Правовое сознание современного россиянина характеризует противоречивость, которая, как аргументировано в статье, носит фундаментально-кризисный характер, выступая проявлением присущего современному (не только российскому) обществу кризису, связанному с формированием общества неопределенности. В статье приведены результаты методического эксперимента, в ходе которого был подтвержден тезис о наличии в правовом сознании российского студенчества разрыва между моральным и правовым аспектами.

Ключевые слова: правовое сознание, кризисное сознание, российские студенты, власть, противоречивость сознания.

Парадоксальность, присущая сознанию россиянина, на протяжении уже больше века воспринимается отечественной социальной мыслью как неотъемлемое свойство «загадочной русской души». Рефлексия социальных трансформаций последних десятилетий, особенно в социологическом ракурсе, с одной стороны, развенчала их мистический смысл, с другой — создала серьезный научный фундамент, обосновав (теоретически и эмпирически) наличие в нем внутренних противоречий, выражающихся в способности отдельного индивида принимать радикально различающиеся и противостоящие друг другу установки и убеждения. Так в российском научном дискурсе закрепился тезис о «кентавричности» сознания современного россиянина, рассматривающегося как реакция на неопределенность еще не сформировавшихся базовых социальных норм и симптом переходного состояния: усвоенные в советское время установки накладываются на либерально-демократические ценности, проникающие сквозь все более расширяющееся «окно в Европу», образуя причудливый гибрид — с трудом поддающегося рациональному осмыслению мутанта, препятствующего как окончательному воцарению европейских ценностей, так и возврату к прочной аксиологии и идеологии советских времен.

Вопрос о причинах внутренней противоречивости сознания современного россиянина решается в этом подходе через привлечение классического представления об аномии, строго позитивистская ориентация которого позволяет осуществить эмпирическую верификацию тезиса о «кентавричности», оставляя в неприкосновенности саму идею специфичности российского «менталитета» — термина, пришедшего на смену «русской душе» и «характеру русского народа».

Объяснительные схемы иного рода — рассматривающие сложившуюся ситуацию как российскую версию наступившего постсовременного этапа общественно-го развития, для которого характерна неопределенность во всех сферах социальной жизни — появляются в отечественной литературе достаточно редко. Это ограничивает возможности интерпретации российской действительности сквозь призму наиболее популярных концептов самоописания постсовременности: постмодерна, общества риска, постиндустриального общества и других, в рамках которых индивидуальное сознание рассматривается как отражение противоречивости и неопределенности перспектив, размывающихся бурным потоком «текучей современности» и смещающих траектории личных биографий и идентификаций.

В современном обществе, как пишет Э. Гидденс, возрастает «риск событий со значительными последствиями» [2]. «Наше общество остаточного риска стало обществом без гарантий, оно не застраховано, и парадокс в том, что защищенность убывает по мере роста опасностей» [1], поскольку любые меры, которые принимаются для снижения уровня риска и создания гарантий, ориентированы на предшествующий этап общественного развития — индустриального — и потому стали неэффективными в эпоху перманентной неопределенности постмодерна. Отсюда постоянная кризисность сознания, выступающая как атрибутивная характеристика индивидуального существования в условиях общества риска и неопределенности. По версии Н. Лумана, «...на самом деле люди калькулируют совсем не так, как следует поступать, чтобы статистики приписали им „рациональность“. Они допускают „ошибки“, сказали бы одни. Они действуют подходящим для повседневности образом, говорят другие. Во всяком случае, вполне очевидно, что отклонения структурированы, у них есть тенденция» [6].

Осмысление российского кризисного сознания через концепт общества риска требует смещения методологических перспектив: классическая парадигма структурного функционализма (в любой версии — от Э. Дюркгейма и до Т. Парсонса) утрачивает эвристическую ценность (во всяком случае, объяснительная способность ее моделей утрачивает универсально-тоталитарный характер). Ее место занимают подходы, делающие акцент на коммуникативности как базовом свойстве общественной организации и источнике формирования социальности как таковой. Концептуальные рамки, задаваемые теорией Н. Лумана, формируют необходимую в данном контексте исследовательскую оптику.

«...в зависимости от того, как определяют коммуникацию, определяют и общество» [5], утверждает Луман, предлагая теорию базирующихся на коммуникации аутопойетических систем. «Это позволяет представить социальную систему как оперативно закрытую систему, состоящую из собственных операций, производящую коммуникации из коммуникаций» [5].

Таким образом, Луман, во-первых, определяет коммуникацию как реальность *sui generis*, которая более может быть сведена к чему-либо иному. Во-вторых, коммуникация конституируется как механизм общества в качестве системы, которая ранее обозначалась таким словом, как «самоорганизация», а сегодня более известна под названием аутопойезис. Даже отрицание коммуникации само по себе также является коммуникацией, и, следовательно, выражением общества. В-третьих, если коммуникация — аутопойетическая репродукция, то это означает, что общество развивается как самосубституированный порядок, который может изменяться только внутри и через себя.

Как коммуникацию трактует Луман власть, представляющую «управляемой кодом коммуникацией» [4]. Обладание властью есть обладание системой кодификации, с помощью которой, как и в любой коммуникации, формируются смыслы. Неизбежная двусторонность коммуникации делает власть в определенном смысле уязвимой, она «регулируется данным кодом с такими далеко идущими последствиями, которые требуют усиления мотивов подчинения ей, ответственности, институционализации, обращения к ней с требованиями перемен и т.п.» [4]. Представляя собой «жизненно-мировую универсалию существования общества», конкретно-эмпирическое воплощение власти (имеющиеся властные структуры) вынуждено использовать коды, адекватные порожденным обществом в целом смыслам: в противном случае они подвергаются риску замещения. Сложившуюся в конкретном обществе систему смыслов в отношении власти и его институтов можно рассматривать как правовое сознание, поскольку последнее в интерпретации Лумана представляет собой смысловую локацию социальной системы права, гарант стабильности правовой системы и структурно подключенных к ней систем, а также как механизм регуляции взаимодействия права с общественной жизнью.

Теоретико-методологический подход такого рода может стать основой для эмпирических исследований противоречий, содержащихся в правовом сознании и позволяющих сделать выводы о конкретных проявлениях кризисного сознания, в частности в нашей стране. Первым шагом в данном направлении является формирование методического инструментария специфики правового сознания, способного зафиксировать имеющиеся противоречия и рассмотреть порождаемые коммуникативным пространством смыслы, воплощающие отношения между обществом и государством в обобщенном понятии правового сознания.

Методический эксперимент, ставящий перед собой цель такого рода, был проведен 20 февраля 2013 г. и включал опрос среди студентов Российского университета дружбы народов (70 человек: 35 студентов юридического профиля и 35 неюридического (студенты-филологи) профиля). После заполнения анкет на интервью были приглашены по 5 человек из каждой группы респондентов. Гипотезы исследования были сформулированы в качестве предположений о наличии в правовом сознании респондентов конфликта между моральными и правовыми нормами, между формальными правилами и моральными предписаниями, менее выраженный у студентов-юристов, а также соответствующих представлений о приемлемом и неприемлемом поведении. Структуру и содержание правового сознания будет определять дихотомия юридического и обыденного, независимо от степени правовой компетентности респондентов.

Сенситивность темы исследования, а также сложность, многогранность предмета, связанная с ситуацией правовой неопределенности, при которой соблюдение одних (формальных и/или социокультурных) норм означает нарушение других, что затрудняет оценку социальных действий как законных или незаконных, правовых или неправовых [3], предопределила выбор специфического инструментария. В ходе эксперимента был апробирован ряд методик, наиболее значимые результаты апробации будут представлены ниже.

Методика «мораль—право»: респондентам было предложено по пятибалльной шкале оценить 10 альтернативных утверждений, касающихся 5 сторон жизнедеятельности, связанных с правом и моралью (табл. 1). В правой колонке находятся утверждения проявления такого образа жизни, при котором люди склонны руководствоваться в своей жизни правом, формальными законами и принципами, а левой колонке — приверженность к нормам морали. В результате мы получим количественную оценку (в баллах) приверженности респондента к тому или иному стилю поведения. При этом в первом случае при ответе на вопрос «Я живу там, где...» мы сможем получить «бытийные» представления, а во втором, при ответе на вопрос «Мне хотелось бы жить там, где...» идеальные представления, и исследовать их соотношение, а также определить верность утверждения о приоритете морали в правовом сознании.

Таблица 1

Методика «мораль—право»

1 — полное согласие с утверждением, расположенным слева, 5 — полное согласие с утверждением, расположенным справа, 3 — одинаковое согласие с ними		
Детей в семьях сегодня, в первую очередь, учат знать законы и уметь отстаивать свои права	1 2 3 4 5	Детей в семьях сегодня, в первую очередь, учат соблюдать моральные нормы
Конституция — главный закон страны	1 2 3 4 5	Самый главный закон — «золотое правило» (относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе)
Правовая активность человека, знание своих прав и умение отстаивать их в суде вызывают общественное одобрение	1 2 3 4 5	В обществе осуждают людей, проявляющих правовую активность, особенно тех из них, кто отстаивает свои права в суде
В случае конфликта люди предпочитают обратиться за помощью в суд	1 2 3 4 5	В случае конфликта люди предпочитают договариваться «по понятиям», «по-соседски»
Существует множество формальных правил и законов, которым необходимо подчиняться	1 2 3 4 5	Существует немного действительно важных формальных правил, которым необходимо подчиняться, главное — поступать по совести

За высказываниями человека о том, что в обществе, в котором он живет, допустимо, что является нормальной частью жизни, а что категорически неприемлемо, могут лежать скрытые от непосредственного измерения морально-правовые ценности и установки. Однако, уже измерив частоту распространенности в сознании респондентов представлений о приемлемом и неприемлемом относительно каждой отдельно взятой ситуации, мы можем получить общую картину коллективных представлений, имеющих место в российском обществе.

Согласно методике В.О. Рукавишниковой, Л. Халмана и П. Эстера [8], которая дорабатывалась исходя из специфики исследования, респондентам предлагалось оценить 26 утверждений-коллизий. В данном случае изучалось, что может быть оправдано с точки зрения морально-правовых ориентаций. Вопрос анкеты звучал так: *Какие поступки, поведение, по Вашему мнению, никогда и ничем не могут быть оправданы, к каким следует относиться снисходительно, а к каким — в зависимости от обстоятельств?* Список поступков был следующим: Купить вещи, которые, как Вы знаете, были украдены, мусорить в общественном месте (выплюнуть жвачку, бросить бумажку, пустую бутылку на улице и т.д.), материальное стимулирование должностного лица (подарок в денежной форме), угон автомобиля «шутки ради» (покататься), сесть за руль немного выпивши, употребление наркотиков (попробовать травку, экстази), украсть у богатого человека, получение больничного листка и/или нахождение на больничном по не связанным со здоровьем причинам, безбилетный проезд на общественном транспорте, заключить брачный договор, оказать сопротивление полицейскому, «отблагодарить» нужного человека за оказание помощи, проституция, взять себе случайно найденные вещи, деньги, уклонение от уплаты налогов, сексуальные отношения взрослого человека с несовершеннолетним, убийство, аборт, эвтаназия, гомосексуализм, самосуд над преступником, украсть у бедного человека, убийство в целях самообороны, переход дороги в неположенном месте, использование «пиратской» продукции (скачивание музыки, фильмов, программ из Интернета и т.д.), воспользоваться услугами девушки по вызову. В продолжение методики следовали три вопроса, касающиеся взяточничества, насилия и присвоения чужих вещей и возможных причин, которые могли бы оправдать эти поступки.

Несмотря на то, что замеры такого рода имеют достаточно условный характер, так как набор форм отклоняющегося поведения является условным и в некоторой степени случайным, они могут дать представление о направленности, «векторе» и характере, интенциональности коллективных представлений нормативного массового сознания. Однако их нельзя рассматривать как реальные оценки социального поведения.

Правовое сознание основывается на представлении о социальной справедливости. С этой точки зрения оно оценивает нормы права и юридическую деятельность законодательных, исполнительных и судебных органов.

Характерно, что обыденное сознание обычно поддерживает идею порядка в обществе, а его можно добиваться различными способами, в соответствии с которыми можно выделить *две модели правосудия*. На той или иной модели правосудия основываются различные типы правового сознания (табл. 2). Модели отличаются по цели, ориентации населения, представлении о справедливом наказании и доверии правовой системе и судебной власти. Репрессивное право ориентирует людей к жесткому наказанию преступника (принцип талиона), его изоляции. В репрессивной модели люди не доверяют правовой системе и следуют закону из-за страха наказания. Восстановительная модель, хотя и предполагает наказание преступника, но при этом сохраняется представление о создании гуманистических условий для его реабилитации, а также указывает, что признание вины за правонарушителем не является основанием унижения его человеческого достоинства. Лю-

ди, придерживающиеся восстановительной модели правосудия, действуют из внутренней мотивации и уважения к существующему праву и правам окружающих его людей [7].

Таблица 2

Модели правосудия

Основные характеристики	Репрессивная модель правосудия	Восстановительная модель правосудия
Цель	Наказание правонарушителя и защита общества от агентов противоправного поведения	Восстановление правопорядка, существующего до правонарушения, и восстановление правопослушности личности преступника и потерпевшего
Ориентация населения	Жестокое отношение к правонарушению и ожидание карающего правосудия	Наказание преступника, но и создание оптимальных, гуманистических условий для его реабилитации
Признание вины за правонарушителем	Является основанием для унижения человеческого достоинства. Преступник должен получить наказание, равнозначное тяжести совершенного им преступления	Не является основанием для унижения человеческого достоинства преступника
Доверие судебной власти (правоприменительной практике имеющей место в стране)	Страх и недоверие Правовое поведение объясняется из внешней необходимости — человек вынужден подчиняться закону из страха наказания	Уважение и доверие У человека существует внутренняя мотивация правового поведения

Описание отличительных черт различных моделей правосудия объясняет введение в инструментарий исследования ряда вопросов. Во-первых, с их помощью зафиксировались доминирующие характеристики представлений по отношению к правовой форме регулирования поведения и правовым ценностям. Во-вторых, при помощи блока вопросов-ситуаций респондентам было предложено оценить степень тяжести правонарушения и высказать свои представления о справедливости наказания. В частности, в анкету вошли вопросы, фиксирующие представления респондентов о том, в каких случаях следует подчиняться закону, о влиянии смягчения наказания на уровень преступности, о главной цели правосудия. В вопросы-ситуации вошли дела о художественном руководителе Большого театра Сергее Филине, которому плеснули кислотой в лицо, жестоком убийстве журналистки Ирины Кабановой ее мужем, коррупционном скандале с участием бывшего главы «Курортов Северного Кавказа» Ахмеда Билалова и панк-молебне группы Pussy Riot в Храме Христа Спасителя.

Наиболее емко противоречивость правовых представлений проявляется в крылатых выражениях, накопленных в течение многих веков. Пословицам и поговоркам присущи такие признаки, как устойчивость, коллективная осмысленность, компликативность, дидактичность, афористичность, эластичность, экспрессивность, и, наконец, народность [9]. В рамках данной работы было интересно выявить отношение респондентов к наиболее известным русским пословицам. В частности, анализировалось отношение к следующим пословицам, отражающим отношение к закону, законотворчеству и праву в целом:

- *закон — что дышло: куда повернул, туда и вышло;*
- *обычай старше закона;*

- *хоть бы все законы пропали, лишь бы люди правдой жили;*
- *законы миротворцы, да законники — крючкотворцы;*
- *законы святы, да законники супостаты;*
- *дуракам закон не писан — дураками он написан;*
- *где добры в народе нравы, там хранятся и уставы;*
- *закон — паутина: шмель пролетит, муха увязнет;*
- *закон что столб — перепрыгнуть нельзя, отойти можно;*
- *что стыдно и грешно, то в обычай вошло;*
- *и в тюрьме не все воры;*
- *где закон, там и обида.*

Респондентам предлагалось оценить, насколько данные пословицы отражают современные российские реалии. Далее был проведен свободный ассоциативный эксперимент, который позволяет выявить смыслы, вкладываемые респондентами в понятия «правда жизни», «несправедливость», «справедливость», входящие в систему нравственного регулирования, и «закон», «право», «правоохранительные органы», входящие в систему правового регулирования.

Итак, согласно методике «мораль-право», конфликт между моральными и правовыми нормами может быть латентным, то есть его сложно зафиксировать при помощи прямого вопроса. В предложенной методике респондентам необходимо было оценить ряд утверждений по 5-балльной шкале. Градации шкалы интерпретировались нами как баллы. Поэтому в первом случае максимальный балл, равный пяти, получают те, кто полностью согласен с суждением, расположенным справа, а во втором случае, балл, равный единице — согласие с утверждением, расположенным слева. Для получения оценки были просуммированы баллы по всем суждениям. Минимальное значение, которое может получиться, исходя из ответов респондентов, равно 5 (минимальное количество баллов, которое может набрать респондент, выражая согласие с утверждениями), максимальное значение равно 25.

На основе полученных оценок были образованы типологические группы.

Респонденты, набравшие от 5 до 10 баллов, «склонны к правовому регулированию»; 11—15 баллов получили респонденты, которые предпочитают руководствоваться в своих решениях и правом и моралью в одинаковой степени; от 16 до 25 баллов — это приверженцы морали. В своих бытийных представлениях большая часть респондентов как юридического, так и неюридического профиля склонны придерживаться «золотой середины». Однако наиболее интересны именно «крайние точки». Так, склонность к правовому регулированию в структуре бытийных представлений у филологов отсутствует совсем, при этом 37% респондентов указывают, что люди в нашем обществе склонны руководствоваться нормами морали в большей степени, что подтверждает нашу гипотезу о приоритете морали над правом, характерном для нашей российской действительности. «Картина мира» студентов-юристов несколько отличается и характеризуется сдвигом к праву. Что касается «идеальных» представлений, можно сказать, что обе группы тяготеют к более рационально устроенной жизни, которая может быть достигнута посредством права (табл. 3).

Таблица 3

«Мораль—право»

Характеристики	Специальности			
	Юристы %	Филологи %	Юристы %	Филологи %
	Бытийные представления		Идеальные представления	
Склонность к правовому регулированию	8,6	0	28,6	14,3
Одинаковая склонность к правовому и моральному регулированию	80,0	62,9	65,7	80,0
Склонность к моральному регулированию	11,4	37,1	5,7	5,7
Итого	100	100	100	100

В соответствии с методикой Рукавишникова [8] респондентам предлагалось оценить 26 ситуаций-коллизий по степени их допустимости для опрашиваемого. Шкала Рукавишникова преобразована в шкалу суммарных оценок от -2 до 2 , где ответ -2 приравнивался к ответу «считаю недостойным в любых случаях», -1 — «считаю допустимым в особых, исключительных случаях», 0 — «трудно сказать», 1 — «иногда считаю возможным» и 2 — это нормально.

Далее мы также переходим от индивидуальных оценок к анализу типологических групп. Выделение типологических групп было осуществлено посредством деления диапазона оценки (в нашем случае от -52 до 52) на отдельные интервалы. Среди студентов юристов разброс оценок варьируется от -52 до 15 , у филологов от -41 до 4 .

На основе распределения оценок мы вычленили условные группы: — студенты с высоким морально-правовым уровнем (от -52 до 21 балла); — группа со средним морально-правовым уровнем — «реалисты» (от 20 до 4 баллов); группа с низким морально-правовым уровнем (от 4 до 52 баллов). Количественные показатели групп представлены в таблице 4.

Таблица 4

Количественные показатели групп

Морально-правовые уровни	Юристы %	Филологи %
Высокий (идеалисты)	31,4	42,9
Средний (реалисты)	65,7	57,1
Низкий (нигилисты)	2,9	0,0
Итого	100	100

Существует устойчивое представление, что по сравнению с Западом право в урегулировании общественных отношений играет для россиян третьестепенную роль. При этом к идее построения правового государства наши люди относятся положительно. Такая двойственность неизбежно порождает противоречивые представления о должном правовом поведении. Такое понимание предопределило включение в анкету ряда вопросов, касающихся представлений о том, в каких

случаях закон может быть нарушен. В отношении допустимости материального стимулирования должностного лица и студенты-юристы, и студенты-филологи отвечали, что оно возможно в тех случаях, когда речь идет о здоровье и здоровье близких, а также тогда, когда речь идет о безопасности. К тому же юристы отметили такую причину, когда нужно ускорить процесс нужного дела, а филологи ответ «когда деваться некуда».

Отвечая на вопрос о применимости насилия, юристы в качестве главных оправданий указали самооборону, протест против несправедливости политического режима, а также то, что этому нет оправдания. Филологи указали самооборону, а также месть за близких, товарищей и родственников. В представлениях студентов-юристов кражу и присвоение себе чужих вещей можно оправдать голодом и нищетой. В представлениях филологов это можно оправдать здоровьем близких и голодом. И обе группы студентов указали, что этому все же нет оправдания.

В анкету был включен ассоциативный эксперимент и блок открытых вопросов, а при анализе был применен типологический подход. При помощи свободного ассоциативного эксперимента выявлялись смыслы, которые вкладывают респонденты в такие базовые понятия правового лексикона, как «закон», «право», «правоохранительные органы», а также такие абстрактные понятия, имеющие отношение к системе нравственного регулирования, как «правда жизни», «справедливость» и «несправедливость».

Ассоциации к понятию «правда жизни» в случае со студентами-юристами были разделены на две группы, а с филологами — на три. Первую группу образовали ассоциации, связанные с негативными и несправедливыми фактами реальности: *коррупция, дурдом, нищета, выживание сильнейшего, естественный отбор, агрессия*.

Вторую группу образовали смысловые единицы, связанные с идеальными ценностями и представлениями, в которых человек может найти собственное значение правды жизни. Для этой группы характерно то, что человек, обладая «правдой», может поступать, как считает нужным. Студенты-филологи склонны связывать правду жизни с *богом, совестью, моралью и собственными представлениями*, в ответах юристов преобладает понимание правды жизни как *справедливости и закона*. В ответах филологов мы также выделили группу «*правды нет*».

Ассоциации к понятию «несправедливость» были разбиты на две группы. Первую группу составили ассоциации, связанные с государственным аппаратом и правовой системой, а во вторую группу вошли негативные ассоциации, связанные с реальной жизнью. Обращает на себя внимание тот факт, что юристы практически не склонны связывать существующую несправедливость с законами или правительством, в то время как в обыденном сознании студентов-филологов такие понятия занимают довольно большую долю.

Группы ассоциаций к понятию «справедливость» получились более дифференцированными. При этом у филологов заметна большая смысловая дифференциация этого понятия. Филологи смысл слова «справедливость» в большей степени связывают с правовой системой и государством (*суд, хороший суд, шведский*

социализм, права, закон), доля высказываний для данной группы составил 33% от всех. Юристы же, наоборот, в основном опираются на нравственные и этические идеалы (*совесть, ум, стремление, равенство, всех ценить по уму и за заслуги, ценность жизни*). Доля таких высказываний составила 57%. Также в структуре правового сознания представления, связанные с пониманием справедливости, у филологов присутствуют смысловые единицы, связанные с семьей и семейными ценностями (*мать и отец, семья, дом*) и Богом, у юристов высказывания с такими смыслами выявлены не были.

Ассоциации к понятию «право» и у юристов и у филологов образовали три смысловые группы: «правовые ценности, нормы и обязанности», «идеальные ценности» и «отсутствие права». Интересно то, что даже в группе юристов респонденты указывали, что право не работает и является лишь пустым словом.

Среди ассоциаций к понятию «закон» у филологов самую большую группу образовали ассоциации, связанные с идеальным пониманием этого слова, его разумностью, справедливостью и равным выполнением для всех, доля таких высказываний составила 55%. В группе юристов наибольшую долю получили ассоциации с правовой системой, государством и конкретными юридическими нормами (60%). Так же, как и в случае с ассоциациями к слову «право», понятие «закон» в обеих группах респондентов получило достаточно большую долю негативных высказываний (*существует только на бумаге, лишь разговоры, не работает, пустое слово, их всегда нарушают, продажный*).

Ассоциации к понятию «правоохранительные органы» условно можно разделить на три группы: «Негативные ассоциации», «нейтральные ассоциации» и «функциональные ассоциации». Данное понятие получило самое большое количество негативно окрашенных оценок (69% у филологов и 68% у юристов от общей доли высказываний): *позор, беспредел, взятки, недоверие, лгуны, пыточники, палачи, гады, хамы, мусор, снят, не помогут, редиски*. Можно констатировать, что правоохранительные органы обладают в сознании респондентов теми же ролями, что и бандиты, только в латентном виде. Представители правопорядка в сознании студентов выступают просто инфернальными злодеями. Это подтверждают и полученные ответы на вопрос о том, какие институты власти, организации и сферы наиболее пронизаны неправовыми практиками. Студенты-юристы считают, что это полиция и правительство, а филологи — правительство, Государственная Дума и бизнес.

При помощи анкетных вопросов фиксировались самые разные коллективные представления, бытующие в сознании респондентов. В одном из вопросов студентам предлагалось оценить, насколько известные пословицы отражают современные российские реалии. Самый большой процент согласия как среди филологов, так и среди юристов получила пословица *«И в тюрьме не все воры»*. Однако картина с другими пословицами несколько отличается. Студенты-юристы указали, что пословица *«хоть бы все законы пропали, лишь бы люди правдой жили»* скорее не соответствует, чем соответствует или совсем не соответствует действительности.

Таблица 5

В какой степени, по Вашему мнению, данные пословицы отражают нынешние российские реалии? (юристы), %

№	Пословицы	Полностью соответствует	Скорее соответствует, чем нет	Сложно сказать	Скорее не соответствует, чем соответствует	Не соответствует	Итого
1	Закон — что дышло: куда повернул, туда и вышло	32,3	29	25,8	3,2	9,7	100
2	Обычай старше закона	35,5	29	22,6	6,5	6,5	100
3	Хоть бы все законы пропали, лишь бы люди правдой жили	21,9	15,6	31,3	9,4	21,9	100
4	Законы миротворцы, да законники — крючкотворцы	28,1	21,9	28,1	12,5	9,4	100
5	Законы святы, да законники супостаты	28,1	34,4	31,3	3,1	3,1	100
6	Дуракам закон не писан — дураками он написан	36,7	16,7	36,7	3,3	6,7	100
7	Где добры в народе нравы, там хранятся и уставы	34,4	37,5	21,9	6,3	0	100
8	Закон — паутина: шмель пролетит, муха увязнет	25	21,9	46,9	3,1	3,1	100
9	Закон что столб — перепрыгнуть нельзя, отойти можно	28,1	40,6	18,8	3,1	9,4	100
10	Что стыдно и грешно, то в обычай вошло	25,8	25,8	35,5	12,9	0	100
11	И в тюрьме не все воры	46,9	21,9	28,1	3,1	0	100
12	Где закон, там и обида	18,8	31,3	34,4	12,5	3,1	100

Таблица 6

В какой степени, по Вашему мнению, данные пословицы отражают нынешние российские реалии? (филологи), %

№	Пословицы	Полностью соответствует	Скорее соответствует, чем нет	Сложно сказать	Скорее не соответствует, чем соответствует	Не соответствует	Итого
1	Закон — что дышло: куда повернул, туда и вышло	43,8	28,1	21,9	0	6,3	100
2	Обычай старше закона	21,2	30,3	21,2	21,2	6,1	100
3	Хоть бы все законы пропали, лишь бы люди правдой жили	27,3	18,2	27,3	15,2	12,1	100
4	Законы миротворцы, да законники — крючкотворцы	48,4	16,1	25,8	6,5	3,2	100
5	Законы святы, да законники супостаты	34,4	25,0	25,0	3,1	12,5	100
6	Дуракам закон не писан — дураками он написан	53,1	25,0	15,6	3,1	3,1	100
7	Где добры в народе нравы, там хранятся и уставы	21,9	28,1	21,9	18,8	9,4	100
8	Закон — паутина: шмель пролетит, муха увязнет	46,9	12,5	28,1	6,3	6,3	100
9	Закон что столб — перепрыгнуть нельзя, отойти можно	46,9	34,4	6,3	6,3	6,3	100
10	Что стыдно и грешно, то в обычай вошло	31,3	18,8	31,3	9,4	9,4	100
11	И в тюрьме не все воры	62,5	21,9	12,5	0	3,1	100
12	Где закон, там и обида	25,0	25,0	37,5	9,4	3,1	100

Ряд вопросов анкеты касался справедливости наказания. Респондентам предлагалось оценить различные по тяжести случаи преступлений, которые были широко освещены в СМИ, и самим выбрать меру наказания для преступников. Помимо этого при помощи данных вопросов оценивалась репрессивность правового сознания. Основная гипотеза заключалась в том, что репрессивность правосознания на обыденном уровне может проявиться в требовании жестокого наказания за преступление. Однако гипотеза не подтвердилась. Как студенты с юридическим образованием, так и студенты-филологи склонны делегировать решения о справедливости наказания существующему законодательству.

Важным компонентом коллективных представлений правового сознания являются представления о ценности права. В данном исследовании ценностное отношение было измерено при помощи вопроса об инструментальной или терминальной ценности права. Интересно, что у студентов-юристов преобладает ценностное (терминальное) отношение к праву. А у филологов инструментальное и терминальное присутствует примерно в равной степени. Юристы прежде всего видят в праве «норму поведения» и «порядок», а студенты-филологи — «порядок» и «возможности» (табл. 7, 8). Наличие инструментального понимания права говорит о некоторой прагматизации обыденного правового сознания.

Таблица 7

Какое из перечисленных ниже определений, на Ваш взгляд, наиболее точно отражает суть понятия «право»? (юристы)

Нормы поведения	54,3%
Справедливость	45,7%
Порядок	48,6%
Возможности	25,7%
Защищенность	25,7%
Безнаказанность	8,6%
Итого	208,6%

Таблица 8

Какое из перечисленных ниже определений, на Ваш взгляд, наиболее точно отражает суть понятия «право»? (филологи)

Нормы поведения	29,6%
Справедливость	37,0%
Порядок	48,1%
Возможности	44,4%
Защищенность	40,7%
Итого	200,0%

Оценивая роль права в жизни страны, и юристы и филологи указывают, что право регулирует общественные отношения лишь отчасти. Такие данные можно объяснить тем, что очень часто в повседневной жизни респонденты сталкиваются с различными неправовыми практиками (табл. 9).

Как вы считаете, какова роль права в жизни нашей страны, %

Варианты ответов	Юристы	Филологи
Право регулирует общественные отношения лишь отчасти	64,7	40,0
Право регулирует практически все стороны жизни людей	20,6	24,0
Жизнь общества практически не поддается правовому регулированию	2,9	20,0
Жизнь общества имеет мало отношения к праву, люди живут по своим правилам/понятиям	11,8	16,0
Итого	100	100

В ходе группового интервью после опроса был получен ценный материал о том, как современные студенты ощущают состояние общества, в котором живут.

Основной вывод, который можно сделать, заключается в том, что в массовом сознании тема права, справедливости и исполнения норм закона окружены устойчивыми негативными смыслами. Зачатую само право, как ценность, как способ добиваться справедливости не принимается студентами в расчет, потому что положительные смыслы перебиваются коллективными представлениями о ненадежности правоохранительных органов, судов, двойных стандартах, коррумпированности лиц, работающих с этой сфере.

Многие высказывания студентов не лишены цинизма, отсутствует вера, что справедливости можно добиться, лично оказывая влияние на сложившуюся обстановку. Противоречивость правового сознания проявляется в том, что такими представлениями обладают не только представители обыденного знания, которое в нашем исследовании представляли студенты-филологи, но и студенты, чья деятельность напрямую связана с законом.

Общие выводы по исследованию таковы: была достигнута цель методического эксперимента — разработан адекватный инструментарий по выявлению противоречий правового сознания студенческой молодежи; выдвинутые гипотезы нашли свое подтверждение — при помощи методики «мораль-право» был зафиксирован конфликт между правовыми и моральными нормами, а также между «идеальными» и «бытийными» представлениями правового сознания, подтверждена гипотеза о приоритете права над моралью в «идеальных представлениях» и морали над правом в «бытийных представлениях», однако жесткой разницы между студентами-юристами и студентами-филологами выявлено не было; была подтверждена дифференцированность правосознания в зависимости от образования; тезис о репрессивности правового сознания студентов был подтвержден в ходе группового интервью.

Правовое сознание, которым обладают современные студенты, носит ярко выраженный противоречивый характер — и, поскольку речь идет о дихотомии морального и правового — эти противоречия носят фундаментальный характер. Кризисность как свойство сознания, в частности, правового, современного россиянина находит свое эмпирическое подтверждение.

Разумеется, нельзя однозначно экстраполировать результаты методического эксперимента, проведенного на студентах, и утверждать, что исследование созна-

ния среднего россиянина могло бы носить аналогичные результаты. Однако в данном случае речь шла о социальной группе, которую можно охарактеризовать как наиболее прогрессивную (так, по крайней мере, хотелось бы думать о студентах одного из ведущих российских вузов, тем более о будущих профессиональных юристах, предполагаемых носителях высоко компетентного правового сознания). Следовательно, данные результаты можно рассматривать как проявление, однозначный и тревожный симптом углубления разрыва между основными элементами правового сознания в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. — 1994. — Вып. 5.
- [2] Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. — 1994. — Вып. 5.
- [3] Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. — 2002. — № 6.
- [4] Луман Н. Власть. — М., 2001.
- [5] Луман Н. Понятие общества. URL: http://abuss.narod.ru/study/sph/text_08_luman.htm
- [6] Луман Н. Понятие риска // THESIS. — 1994. — Вып. 5.
- [7] Петрулевич И.А. Общность коллективных представлений правового сознания в условиях дифференциации современного российского общества: Дисс. ... д.с.н. — Ростов-на-Дону, 2009.
- [8] Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Мораль в сравнительном измерении // Социологические исследования. — 1998. — № 6.
- [9] Сидоров А.И. Юридические пословицы и поговорки в правовой практике русского народа // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2012. — № 3.

COLLISIONS OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE MINDS OF RUSSIAN STUDENTS: A CRITICAL BREACH BETWEEN THE MORAL AND THE LEGAL

L.Yu. Bronzino, V.E. Grebneva

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The legal consciousness of a contemporary Russian is characterized by contradictions, which, as the article argues, are of a fundamental-critical nature, being a manifestation of the crisis in contemporary (not only Russian) society, connected with the formation of the indefinite society. The article presents the results of the methodological experiment which confirmed the thesis of a breach between the moral and legal aspects in the legal consciousness of Russian students.

Key words: legal consciousness; crisis consciousness; Russian students; authorities; contradictory consciousness.

REFERENCES

- [1] *Beck U.* Ot industrial'nogo obshhestva k obshhestvu riska // THESIS. — 1994. — Vyp. 5.
- [2] *Giddens A.* Sud'ba, risk i bezopasnost' // THESIS. — 1994. — Vyp. 5.
- [3] *Zaslavskaja T.I., Shabanova M.A.* Nepravovye trudovye praktiki i social'nye transformacii v Rossii // Sociologicheskie issledovanija. — 2002. — № 6.
- [4] *Luhmann N.* Vlast'. — M., 2001.
- [5] *Luhmann N.* Ponjatie obshhestva. URL: http://abuss.narod.ru/study/sph/text_08_luman.htm
- [6] *Luhmann N.* Ponjatie riska // THESIS. — 1994. — Vyp. 5.
- [7] *Petrulevich I.A.* Obshhnost' kollektivnyh predstavlenij pravovogo soznaniya v uslovijah differenciacii sovremennogo rossijskogo obshhestva: Diss. ... d.s.n. — Rostov-na-Donu, 2009.
- [8] *Rukavishnikov V.O., Halman L., Jester P.* Moral' v sravnitel'nom izmerenii // Sociologicheskie issledovanija. — 1998. — № 6.
- [9] *Sidorov A.I.* Juridicheskie poslovice i pogovorki v pravovoj praktike russkogo naroda // Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). — 2012. — № 3.